

Азбука
PREMIUM

К Н И Г И
ДЖОНА АПДАЙКА
В СЕРИИ АЗБУКА-PREMIUM

Кролик, беги
Иствикские ведьмы
Иствикские вдовы
Бразилия

ДЖОН АПДАЙК

Кролик, беги

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
А 76

John Updike
RABBIT, RUN
Copyright © 1960, John Updike
Copyright renewed © 1988, John Updike
All rights reserved

Перевод с английского Мери Беккер
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

© М. Беккер (наследник), перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2017
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-12872-9

Благие порывы, жестокосердие,
внешние обстоятельства.

Паскаль. Мысли, 507

Мальчики играют в баскетбол вокруг телефонного столба, к которому привинчен щит. Мелькают ноги. Крики. Шарканье и шуршание кедров по гравию катапультируют их голоса в высокую влажную синеву мартовского неба над проводами. Кролик Энгстром идет по переулку, на нем строгий деловой костюм, и, хотя ему двадцать шесть лет и росту в нем шесть футов три дюйма, он останавливается посмотреть. Для кролика он, пожалуй, высоковат, но широкое белое лицо, бледно-голубые радужки, нервное подергивание верхней губы под коротким носом, когда он втыкает в рот сигарету, отчасти объясняют это прозвище, которым его назвали, когда и он тоже был мальчишкой. Он стоит и думает: ребята подрастают, теснят тебя со всех сторон.

Мальчишкам его присутствие кажется странным. Они играют для собственного удовольствия, а вовсе не напоказ какому-то взрослому дяде, который шляется по городу в двубортном пиджаке цвета какао. Вообще непонятно, почему взрослый идет по переулку пешком. Где его автомобиль? Сигарета придает ему и вовсе угрожающий вид. Может, он из тех, кто за сигареты или деньги предлагает прогуляться за фабрику искусственного льда? Про такие фокусы они уже слы-

ДЖОН АПДАЙК

хали, но их так просто не запугаешь — их ведь шестеро, а он один.

Мяч, отскочив от обода, пролетает над головами шестерых и падает к ногам одного. Стремительность короткого рывка, с которой он хватается мяч, приводит их в изумление. Притихнув, они смотрят на его темный силуэт — ни дать ни взять заводская труба, внезапно возникшая на фоне весенних небес. С прищуром глядя сквозь голубое облачко табачного дыма, он осторожно переставляет ноги и, растопырив пальцы, нервно крутит перед собою мяч. На ногтях белеют широкие полумесяцы. Человек внезапно приседает, и мяч, словно скользя по правому отвороту пиджака, срывается с его плеча, летит как будто даже не к щиту — он туда вовсе и не метил, — падает напрямик в корзину и, скромно шелестя, пролетает через сетку.

— Эге! — гордо выкрикивает Кролик.

— Случайность, — роняет какой-то мальчик.

— Мастерство, — отзывается он. — Можно я с вами поиграю?

Вместо ответа мальчишки обмениваются недоуменными взглядами. Кролик снимает пиджак, аккуратно его складывает и кладет на чистую крышку мусорного ящика. Позади снова начинают метаться саржевые комбинезоны. Ринувшись в самую гущу, он выхватывает мяч из чьих-то слабых белых рук. Знакомое ощущение туго натянутой кожи возрождает в теле прежнюю упругость. Ему кажется, будто он сквозь далекие годы возвратился назад. Руки, как крылья, сами собою взмывают ввысь, и резиновый шар от макушки его головы несется к корзине. Недолет. Прицел казался ему настолько точным, что, увидев падающий мяч, он изум-

ленно щурится, и на секунду у него мелькает мысль, уж не пролетел ли мяч сквозь обод, не задев сетки.

— Эй, за какую команду я играю?

Краткая безмолвная суматоха, и к нему командируют двух мальчишек. Трое против четверых. Хотя Кролик с самого начала занял невыгодное положение в десяти футах от корзины, это все равно не справедливо. Никто не пытается вести счет. Угрюмое молчание его раздражает. Ребята перебрасываются односложными замечаниями, но ему никто не смеет сказать ни слова. В разгар игры он чувствует, как они толкуются у него под ногами, горячатся, злятся, пытаются подставить ему ножку, однако все еще держат язык за зубами. Он не нуждается в таком уважении, он хочет сказать им: то, что я взрослый, — это ерунда, это никакой роли не играет. Минут через десять один его партнер переходит на сторону противника, и теперь Кролик Энгстром со вторым мальчуганом остаются вдвоем против пятерых. Этот мальчик, еще маленький, но уже застенчивый, неуверенный в себе, однако легкий на ногу, — самый лучший изо всей шестерки; вязаная шапочка с зеленым помпоном, натянутая по самые брови, придает ему идиотский вид. Он — прирожденный талант, самородок. Стоит только посмотреть, как он двигается — не ступает, а как бы парит над землей. Если ему повезет, он со временем станет классным спортсменом, чемпионом школы. Кролику это знакомо. Постепенно поднимаешься со ступеньки на ступеньку на самый верх, все кричат «ура», пот слепит тебе глаза, волна шума и крика возносит тебя ввысь, а потом ты выходишь из игры — вначале ты еще не забыт, но все равно ты вышел из игры, и тебе хорошо, прохладно и при-

вольно. Ты вышел из игры, ты как бы растворился и, поднимаясь все выше и выше, становишься для этих ребят просто какой-то частью мира взрослых, частью неба, что всегда висит у них над головами в городе. Они его не забыли, хуже — они о нем просто никогда не слыхали. Между тем в свое время Кролик был знаменитостью округа, в младшем классе средней школы он поставил рекорд в командных состязаниях лиги Б, в выпускном классе сам же его перекрыл, и этот последний рекорд был перекрыт лишь через четыре года, то есть четыре года назад.

Он забрасывает мяч в сетку одной рукой, двумя руками, одной рукой снизу, стоя на месте, с поворота, с прыжком, двумя руками от груди. Мяч мягко и плавно летит вперед. Он счастлив, что в его руках все еще живет сила. Он чувствует, что стряхнул с себя долгое уныние. Однако тело стало грузным, и у него начинается одышка. Он запыхался, и это его бесит. Когда пятерка начинает стонать и медлить, а какой-то парнишка, нечаянно сбитый им с ног, встает и с измазанной физиономией ковыляет прочь, Кролик охотно сдается.

— Ладно. Старик пошел. Трижды ура, — говорит он и, обращаясь к своему партнеру с помпоном, добавляет: — Ну пока, ас.

Он преисполнен благодарности к этому мальчишке, который с бескорыстным восхищением не сводил с него глаз еще долгое время после того, как остальные угрюмо надулись. Самородки, они знают, что к чему.

Захватив сложенный пиджак, Кролик убегает, держа его в одной руке, точно письмо. По переулку. Мимо заброшенной фабрики искусственного льда с прогнившими деревянными желобами вдоль погрузочной платформы. Мимо мусорных ящиков, гаражей, путаницы

мертвых прошлогодних цветов в загородках из проволочной сетки. Стоит март. Все начинается сначала. В прозрачном от любви, горьковатом воздухе Кролик чувствует обещание чего-то нового и, вытащив из оттопыренного кармана рубашки пачку сигарет, не замедляя шага, швыряет ее в чей-то открытый мусорный бачок. Он очень доволен собой; его верхняя губа поднимается, обнажая зубы. Большие замшевые башмаки глухо шлепают по кучам мусора в переулке.

Он бежит. У перекрестка сворачивает на другую улицу. Это Уилбер-стрит в поселке Маунт-Джадж, предместье города Бруэра, пятого по величине в штате Пенсильвания. Бежит в гору. Мимо группы больших домов — крепостей из кирпича и цемента с дверями из цветных стекол и окнами, уставленными цветочными горшками. Еще на пол-улицы выше, мимо жилого района, возведенного одним махом в тридцатые годы. Сдвоенные деревянные домики лесенкой взбираются по склону холма. Пространство высотой около шести футов, на которое каждый из них возвышается над соседним, занято парой тусклых окон, широко расставленных, словно глаза какого-то зверя, и обито деревянной дранкой всевозможных оттенков, от цвета кровоподтека до цвета навоза. Облупившиеся фасады некогда были белыми. Здесь же вытянулись в ряд десятка полтора трехэтажных домов, каждый с двумя входными дверями. Седьмая дверь — его. Деревянные ступеньки истерлись, под лестницей кучка мусора, из которой торчит забытая игрушка — пластмассовый клоун. Он провалялся там всю зиму, но Кролик думал, что в конце концов какой-нибудь малыш за ним придет.

Запыхавшись, он останавливается в полутемном вестибюле. Здесь даже днем горит запыленная лам-

почка. Над коричневой батареей висят три пустых жестяных почтовых ящика. По другую сторону коридора обиженно смотрит закрытая дверь соседа, живущего этажом ниже. В доме всегда чем-то пахнет, но Кролик никак не может определить, чем именно, — то ли вареной капустой, то ли ржавым дыханием парового отопления, то ли просто каким-то мягким веществом, которое гниет в стенах. Он поднимается на самый верх, в свою квартиру.

Дверь заперта. Он вставляет в замок маленький ключ, и рука его дрожит от непривычного напряжения. Металл скрежещет. Открыв дверь, он видит, что его жена сидит в кресле со стаканом коктейля «Старомодный» и, приглушив звук, смотрит телевизор.

— Ты здесь, — говорит он. — Зачем же ты заперла дверь?

Она глядит на него мутными темными глазами, покрасневшими от долгого сидения у телевизора.

— Она сама захлопнулась.

— Сама захлопнулась, — повторяет он, однако наклоняется и целует ее гладкий лоб. Она миниатюрная, кожа у нее оливковая и такая тугая, словно что-то набухающее внутри изо всех сил стремится растянуть ее маленькое тело. Ему кажется, что она еще вчера была хорошенькой. Двух крохотных морщинок в уголках рта оказалось достаточно, чтобы сделать его жадным; волосы так поредели, что под ними ему все время чудится череп. Эти мельчайшие признаки старения появились совсем незаметно, поэтому вполне возможно, что завтра они исчезнут и Дженис снова станет его девушкой. Он пытается шуткой вернуть ее в это состояние.

— Чего ты боишься? Кто, по-твоему, может войти в эту дверь? Эррол Флинн?

Она не отвечает. Он аккуратно расправляет пиджак, идет к стенному шкафу и достает проволочные плечики. Стенной шкаф выходит в гостиную, и его дверца открывается лишь наполовину, потому что как раз перед нею стоит телевизор. Кролик старается не задеть провод, воткнутый в розетку по другую сторону дверцы. Однажды Дженис, особенно неуклюжая от беременности и пьянства, запуталась ногой в проводе и чуть не уронила на пол стосорокадевятидолларовый телевизор. К счастью, Кролик успел подбежать как раз в тот момент, когда телевизор еще болтался на проволоке, а Дженис еще не начала судорожно дергать ногой в приступе панического страха. Почему она стала такой? Чего она боится? Со свойственной ему аккуратностью он ловко просовывает плечики в пиджак и, протянув длинную руку, вешает его на разрисованную трубку рядом с остальной своей одеждой. Может, снять с петлицы эмблему фирмы? Пожалуй, нет — завтра он наденет этот же костюм. У него всего два костюма, не считая темно-синего, слишком теплого для этого сезона. Он нажимает дверь, она со щелчком захлопывается, но тотчас снова приоткрывается на дюйм или два. Вот доука — мало того что, открывая замок, руки его по-стариковски дрожали, тут еще Дженис сидит и слушает этот скрежет.

— Если ты здесь, то где же автомобиль? На улице его нет, — спрашивает он, обернувшись.

— Он возле маминого дома. Отойди, ты мне мешаешь.

— Возле маминого дома? Черт знает что. Лучше места ты не нашла?

— Что там случилось?

ДЖОН АПДАЙК

— Где «там»? — Он отходит в сторону, чтобы не загоразивать ей экран.

Она смотрит, как группа детей по прозвищу «Мышкетеры» исполняет музыкальный номер, в котором Дарлен играет парижскую цветочницу, Кэбби — полисмена, а этот высокий ухмыляющийся парень — романтического героя. Он, Дарлен, Кэбби и Карен (в костюме старой француженки, которой полисмен Кэбби помогает перейти улицу) танцуют.

Потом идет рекламная передача, в которой пять долек шоколадки «Тутси» вылезают из обертки и превращаются в пять букв: «Т-у-т-с-и». Они тоже танцуют и поют. Все еще продолжая петь, они залезают обратно в обертку. От обертки, как от стены, отражается эхо. Ишь ты, сукин сын, здорово придумал. Он видел это уже сто раз, и на этот раз его начинает мутить. Сердце все еще трепещет, в горле пересохло.

— Гарри, у тебя нет сигареты? — спрашивает Дженнис. — Мои кончились.

— А? По дороге домой я выкинул всю пачку в мусорный ящик. Бросаю курить. — Ему непонятно, что кто-то может думать о курении, когда его так тошнит.

Дженнис наконец взглядывает на него:

— Выкинул в мусорный ящик! Колоссально. Ты не пьешь, а теперь и курить бросил. Ты что, в святые готовишься?

— Ш-ш-ш!

Появился великий Мышкетер Джимми — взрослый мужчина с круглыми черными ушами. Кролик внимательно за ним следит, он его уважает и надеется перенять у него что-нибудь полезное для своей работы — он демонстрирует в бруэрских магазинах дешевых товаров одно кухонное приспособление. Он уже целый ме-

сяц занимается этим делом. «Пословицы, половицы, о, как они верны, — поет Джимми, брэнча на гитаре, — половицы говорят нам, что делать, половицы помогают нам всем стать хорошими „Мышкетерами“».

Убрав свою гитару и свою улыбку, Джимми вещает с экрана: «Познай самого себя, сказал некогда один мудрый старый грек. Познай самого себя. Что это значит, дорогие мальчики и девочки? Это значит — будьте сами собой. Не стремитесь быть такими, как Салли, Джонни или Фред, оставайтесь сами собой. Господь не хочет, чтобы дерево стало водопадом, а цветок — камнем. Господь наделяет каждого из нас своим особым талантом». Дженис и Кролик непривычно притихли, они оба верующие. При упоминании имени Божьего их охватывает чувство вины. «Господь хочет, чтобы одни стали учеными, другие художниками, а третьи — пожарными, врачами или акробатами. И Он наделяет каждого из нас особыми талантами, необходимыми для этой цели, *но при условии, что мы будем трудиться, стараясь их развить*. Мы должны *трудиться*, мальчики и девочки. Итак: познай самого себя. Научись распознавать свои таланты, а потом трудись, стараясь их развить. Таков путь к счастью». Джимми сжимает губы и подмигивает.

Это было здорово. Кролик пытается повторить трюк: сжать губы, подмигнуть, собрать своих зрителей и вместе с ними двинуться на незнакомого врага, который скрывается у них за спиной — будь то Уолт Дисней или Фирма Универсальных Чудо-Терок. Ясно, что все это обман, но, черт подери, надо же привлечь публику. Мы все связаны одной веревочкой. Весь мир держится на обмане. Он — основа нашей экономики. Витэкономия — пароль современной домашней хозяйки, одно-

ДЖОН АПДАЙК

единственное слово, означающее сохранение витаминов посредством Универсальной Чудо-Терки.

Дженис встает и, когда на экран пытается прорваться выпуск последних известий, выключает телевизор. Световая звездочка медленно гаснет.

— Где малыш? — спрашивает Кролик.

— У твоей мамы.

— У моей мамы? Автомобиль у твоей мамы, малыш — у моей. Господи, как ты умеешь все запутать!

Она встает, и он приходит в бешенство при виде тупой бесформенной глыбы, в которую превратила ее беременность. На ней специальная юбка с U-образным вырезом на животе. Из-под блузки торчит белый полумесяц комбинации.

— Я устала.

— Еще бы. Сколько ты их выпила? — указывает он на стакан «Старомодного».

— Я завезла Нельсона к твоей маме по пути к моей. Мы с ней собирались в город, — пытается объяснить она. — Мы поехали на ее автомобиле, прошли по магазинам, посмотрели выставку весенней одежды в витринах, и она купила себе на распродаже у Кролла такой хорошенький шарфик. Из пестрого кашемира, шотландский. — Она запинаясь, ее узкий язычок заблудился между двумя рядами тусклых зубов.

Ему становится страшно. Когда Дженис смущена, на нее страшно смотреть. Глаза сердито вылезают из орбит, нижняя челюсть отвисает, рот превращается в дурацкую щель. С тех пор как на ее лоснящемся лбу образовались залысины, ему все время кажется, что она стала хрупкой, неподвижной и перед ней теперь одна-единственная дорога — к еще более глубоким морщи-

нам и еще более редким волосам. Женился он сравнительно поздно, двадцати четырех лет, и, хотя Дженис к тому времени уже два года как окончила среднюю школу, она все еще оставалась подростком с маленькими робкими грудями — когда она лежала, они превращались в плоские мягкие бугорки. Нельсон родился через семь месяцев после свадебной церемонии в епископальной церкви, роды были долгими и трудными, и от этого теперешний страх Кролика сливается с тогдашним и переходит в нежность.

— А ты что купила?

— Купальник.

— Купальник? В марте! Брр!

На мгновение она закрывает глаза; от легкого запаха алкоголя его охватывает отвращение.

— Мне казалось, что, если я его куплю, он тогда скорее будет мне впору.

— Чего тебе не хватает? Другим женщинам нравится быть беременными. Какого черта ты такая чудная? Ну скажи, почему ты такая чудная?

Она открывает свои карие глаза, они наполняются слезами, слезы переливаются через края нижних век и текут по щекам, порозовевшим от обиды, а она смотрит на него и очень вдумчиво выговаривает:

— Ах ты, сукин сын.

Кролик подходит к жене, обнимает ее, живо ощущает горячее от слез дыхание, смотрит в налитые кровью глаза. В припадке нежности он опускается на колени, пытаясь прижаться к ее бедрам, но ему мешает ее большой живот. Он поднимается во весь рост и, глядя на нее сверху вниз, говорит:

— Ладно. Значит, ты купила купальник.

ДЖОН АПДАЙК

Отгородившись от мира его грудью и руками, она горячо произносит:

— Не убегай от меня, Гарри. Я люблю тебя.

Он никак не думал, что она сохранила такую горячность.

— А я люблю *тебя*. Ну, так что же дальше? Ты купила купальник.

— Красный, — говорит она, грустно прижимаясь к нему. Однако, когда она пьяна, ее тело приобретает какую-то хрупкость, неприятную на ощупь разболтанность. — С такой завязочкой на шее и с плиссированной юбочкой, которую в воде можно снять. Потом у меня так разболелись вены на ногах, что мы с мамой спустились в подвал у Кролла и взяли шоколадное мороженое с содовой. Они переделали все кафе, теперь там нет стойки. Но ноги у меня все равно так болели, что мама отвезла меня домой и сказала, что ты можешь сам взять машину и Нельсона.

— Черта с два, наверно, это не у тебя, а у нее болели ноги.

— Я думала, ты вернешься раньше. Где ты был?

— Так, болтался кое-где. Играл в баскет с мальчишками в переулке. — Они теперь разомкнули объятия.

— Я хотела вздремнуть, но никак не могла. Мама сказала, что у меня усталый вид.

— У тебя и должен быть усталый вид. Ты ведь современная домашняя хозяйка.

— Ну да, а ты пока что где-то шатаешься и играешь, как двенадцатилетний мальчишка.

Он сердится, что она не поняла его шутки насчет домашней хозяйки — той воображаемой особы, кому агенты фирмы Чудо-Терок должны продавать свой то-

вар, не поняла таящейся в ней иронии, жалости и любви. Никуда не денешься — она глупа.

— Не вижу, чем ты лучше меня. Сидишь тут и смотришь программу для годовалых младенцев.

— Интересно, кто недавно шипел, чтоб я не мешала слушать?

— Ах, Дженис, Дженис, — вздыхает он. — Пора мне приласкать тебя как следует. Давно пора.

Она смотрит на него долгим ясным взглядом.

— Пойду приготовлю ужин, — решает она наконец.

Его обуревают раскаяние.

— Я сбегая за автомобилем и привезу малыша. Несчастный ребенок, наверно, уже думает, что его совсем бросили. И какого черта твоя мать воображает, что моей только и дела, что с чужими детьми возиться?

В нем снова поднимается возмущение — она не понимает, что ему надо смотреть передачу про Джимми для работы, он ведь должен зарабатывать деньги на сахар, который она кладет в свой проклятый «Старомодный».

Сердито, хотя и недостаточно сердито, она идет в кухню. Ей бы надо обидеться по-настоящему или уж совсем не обижаться — ведь он сказал всего лишь про то, что делал не одну сотню раз. Может, даже и тысячу. Начиная с тысяча девятьсот пятьдесят шестого в среднем каждые три дня. Сколько это будет? Триста. Так часто? Почему же это всегда требует таких усилий? Пока они не поженились, ей было легче. Тогда у нее получалось сразу. Совсем еще девчонка. Нервы как новые нитки. Кожа пахла свежим хлопком. После работы они ходили в квартиру ее сослуживицы в Бруэре. Металлическая кровать, обои с серебряными медальонами, из окон, выходящих на запад, видны огромные

газгольдеры на берегу реки. В то время они оба работали в универмаге Кролла: она, в белом халатике с карманчиком, на котором было вышито «Джен», продавала леденцы и орешки, а он этажом выше таскал мягкие кресла и деревянные журнальные столики, с девяти до пяти разбивая упаковочные рамы. Нос и глаза саднило от упаковочной стружки. Грязный черный полукруг мусорных ведер за лифтами; усыпанный кривыми гвоздями пол; черные ладони, а этот педик Чендлер каждый час заставлял мыть руки, чтобы не пачкать мебель. Мыло «Лава». Серая пена. От молотка и лома на руках выростали желтые мозоли. В пять тридцать отвратительный рабочий день кончался, и они встречались у выхода, поперек которого натягивалась цепь, чтоб не проходили покупатели. Выложенная зеленым стеклом камера молчания между двойными дверями; рядом, в неглубоких боковых витринах, головы без туловищ, в шляпах с перьями и в ожерельях розового жемчуга, подслушивали прощальные сплетни. Все служащие Кролла ненавидели универмаг, однако уходили медленно, точно уплывали. Дженис с Кроликом встречались в этой тускло освещенной междверной камере с зеленым полом, словно под водой; толкнув единственную не затянутую цепью створку двери, они выходили на свет и, никогда не говоря о том, куда они идут, шагали к серебряным медальонам, нежно держась за руки, тихонько двигались навстречу потоку возвращающихся с работы автомобилей и предавались любви под льющимися из окна горизонтальными лучами вечернего света. Она стеснялась его взгляда. Заставляла закрывать глаза. Шелковистая, как домашняя туфля, тотчас раскрывалась навстречу. Потом, переступив последнюю черту, они, как потерянные, лежали в этой

чужой постели. Серебро медальонов и золото угасающего дня.

Кухня — узкая щель позади гостиной, тесный проход между машинами, которые были ультрасовременными пять лет назад. Дженис роняет что-то металлическое — кастрюлю или кружку.

— Постарайся не обжечься! — кричит Кролик.

— Ты еще тут? — отзывается она.

Он подходит к стенному шкафу и вынимает пиджак, который только что аккуратно повесил. По сути дела, он — единственный, кто тут следит за порядком. В комнате полный развал: стакан «Старомодного» с раскисшим осадком на дне; набитая окурками пепельница вот-вот свалится с ручки кресла; измятый ковер; небрежно сложенные пачки липких старых газет; разбросанные повсюду ломаные игрушки — нога от куклы, изогнутый обрезок картона; комья пыли под батареями. Бесконечный, безнадежный хаос плотной сетью стягивается у него на спине. Он пытается решить, куда пойти сначала — за автомобилем или за малышом? Может, сперва зайти за малышом? Ему больше хочется увидеть сына. До миссис Спрингер ближе. А вдруг она смотрит в окно, чтобы, увидев его, выскочить и сказать, какой усталой выглядит Дженис? *Интересно, кто не устанет, таскаясь с тобой по магазинам, сква-лыга ты несчастная! Жирная стерва, цыганка старая.* Если он придет с малышом, она, может, и промолчит. Кролику нравится мысль пешком прогуляться с сыном. Нельсону два с половиной года, он ходит вразвалку, как кавалерист. В свете угасающего дня они пойдут под деревьями, и вдруг откуда ни возьмись — у тротуара стоит папина машина. Но на это уйдет больше времени — мать начнет обвиняками втолковывать ему, какая

никчемная эта Дженис. Эти разговоры всегда его раздражали; очень может быть, мать просто хотела его поддеть, но он не умел легко относиться к ее словам, она слишком властная, во всяком случае по отношению к нему. Лучше сначала сходить за машиной, а уж потом заехать за малышом. Но так ему что-то не хочется. Не хочется, и все. Он все больше запутывается, и от этой путаницы его начинает мутить.

— И захвати пачку сигарет, милый, ладно? — кричит из кухни Дженис обычным ровным голосом. Значит, его простили и все остается как было.

Глядя на свою бледную желтую тень на белой двери в прихожую, Кролик застывает; он чувствует, что попал в ловушку. Сомнений нет. Он выходит из дому.

На улице становится темно и прохладно. Норвежские клены источают аромат клейких свежих почек, в широких окнах гостиных вдоль Уилбер-стрит за серебрястыми экранами телевизоров, словно огоньки в глубине пещер, мягко светятся лампы на кухнях. Кролик идет вниз по склону. День угасает. Кролик время от времени трогает шероховатую кору дерева или сухую ветку живой изгороди, чтобы хоть слегка ощутить структуру материи. На углу, где Уилбер-стрит пересекает Поттер-авеню, в сумеречном свете прислонился к своему бетонному столбу почтовый ящик. Указатель улиц с двумя лепестками, клинообразный ствол телефонного столба с изоляторами на фоне вечернего неба, золотистый куст пожарного гидранта — целая роца. Когда-то он любил лазить по столбам. Заберешься на плечи к приятелю, подтянешься и карабкаешься наверх, пока не ухватишь руками перекладки, и, как по лесенке, поднимешься до места, откуда слышно, как поют провода. Жуткий монотонный шепот. Он всегда внушал

желание упасть, выпустить из рук жесткие перекладкины, ощутить всей спиной пустоту — когда ты будешь падать, она охватит ноги и скользнет снизу вверх по позвоночнику. Он вспоминает, как, добравшись наконец до перекладкины, чувствовал, что от заноз горят ладони. Как сидел, слушая гудение проводов и воображая, будто узнал, что говорят друг другу люди, проник в секреты взрослых. Изоляторы — гигантские синие яйца в открытом всем ветрам гнезде.

Он идет вдоль Поттер-авеню. Висящие в немой высоте провода пронзают живые вершины кленов. На следующем углу, где сточные воды с фабрики искусственного льда некогда со всхлипом втягивались в канализационную трубу и вновь вытекали наружу на противоположной стороне улицы, Кролик переходит дорогу, идет вдоль канавы, мелкое русло которой прежде было затянато лентами зеленого ила; они норовили скользнуть тебе под ноги и промочить башмаки, если ты осмеливался на них наступить. Однажды он упал в канаву, хотя не может вспомнить, зачем вообще пошел по ее скользкому краю. Ага — чтоб пофорсить перед девчонками — Лотти Бингамен и Маргарет Шелкопф, а иногда еще Джун Кобб и Мэри Хойер, с которыми ходил домой из начальной школы. У Маргарет часто ни с того ни с сего шла кровь из носа. Наверно, от избытка здоровья. Отец у нее был пьяница, и родители заставляли ее носить высокие ботинки на пуговицах, когда их давно уже никто не носил.

Он сворачивает на Кегерайз-стрит, узкий, мощный гравием переулок, что вьется вдоль глухой задней стены маленькой картонажной фабрики, где работают главным образом пожилые женщины, минует цементный фасад магазина оптовой продажи пива и старин-

ный фермерский дом — каменный, теперь заколоченный досками, — старейшее здание в поселке, сложенное из грубых глыб красноватого песчаника. От этой фермы, чей хозяин некогда владел половиной всей земли, на которой ныне стоит Маунт-Джадж, теперь остался один только двор, обнесенный покосившейся изломанной изгородью, — куча коричневых жердей и гнилых досок. Летом на них буйно разрастутся сорняки — белые, мягкие как воск стебли, молочные стручки с шелковистыми семенами и грациозные желтые соцветия, подернутые водянистой пылью.

Небольшой пустырь отделяет старый фермерский дом от Спортивной ассоциации «Солнечный свет» — высокого кирпичного здания вроде городского многоквартирного дома, который как бы по недоразумению затесался в этот грязный проулок меж помойками и задними дворами. Какой-то странный навес величинной с деревянный сортир — его каждую зиму возводят на каменных ступенях, чтобы защитить бар от непогоды, — придает ему зловещий вид. Кролик несколько раз заходил в этот клуб. Никакого солнечного света в нем нет и в помине. Первый этаж занимает бар, на втором стоят карточные столы, за которыми, глубокомысленно мыча, сидят местные старожилы. Спиртное и карты у Кролика всегда ассоциируются с унылым старым греховодником, у которого дурно пахнет изо рта, а еще большее уныние на него наводит царящая в этом здании атмосфера политических интриг. Его бывший баскетбольный тренер, Марти Тотеро, который, прежде чем его со скандалом выгнали из школы, имел кое-какие связи в местном политическом мире, жил в этом здании и, по слухам, все еще сохранял известное влияние. Кролик не любит политику, но он когда-то

любил Тотеро. После матери Тотеро был для него самым большим авторитетом.

Мысль, что его бывший тренер торчит в этой дыре, несколько его пугает. Он идет дальше, мимо кузовной мастерской и заброшенного курятника. Он все время спускается вниз, потому что поселок Маунт-Джэддж расположен на восточном склоне горы Джэддж, чей западный склон господствует над городом Бруэр. Хотя поселок и город смыкаются на шоссе, опоясывающем гору с юга и ведущем в Филадельфию, до которой от них пятьдесят миль, они никогда не сольются воедино, потому что гора подняла между ними свой широкий зеленый гребень протяженностью в две мили с севера на юг. В гору вгрызаются гравийные карьеры, кладбища и новые жилые кварталы, но выше определенной черты сохранились в неприкосновенности сотни акров леса, который поселковые мальчишки никак не могут до конца освоить. Шум автомобилей, ползущих на второй скорости по живописным серпантинам, уже вторгается в эти заросли. Однако на огромных пространствах нехоженого соснового бора усыпанная иглами земля, заглушая звуки, уходит все дальше и дальше ввысь под бесконечными зелеными туннелями, и кажется, что из безмолвия ты попадаешь куда-то еще похуже. А потом, наткнувшись на залитую солнцем поляну, которую ветви не потрудились скрыть, или на обвалившийся каменный погреб, вырытый каким-то храбрым великаном-поселенцем много сотен лет назад, ты и впрямь начинаешь дрожать от страха, словно след чужой жизни привлечет внимание к тебе и деревья, затаившие угрозу, оживут. Страх звенит в тебе как набатный колокол, который ты не в силах заглушить, нарастает, и ты, сгорбившись, ускоряешь свой бег, но вот наконец

раздается отчетливый скрежет, водитель приближающейся машины переключил передачу, и за стволами сосен забелели приземистые сигнальные столбики. Наконец, благополучно добравшись до твердого асфальта, ты стоишь и размышляешь: то ли пойти пешком вниз по дороге, то ли попроситься на попутную машину и доехать до гостиницы «Бельведер», купить там шоколадку и полюбоваться Бруэром, расprostертым внизу, как ковер, красным городом, где дерево, жесть и даже красный кирпич выкрашены в оранжево-красный цвет глиняных горшков, не похожий на цвет никакого другого города в мире, но для окрестных ребят единственный цвет всех городов вообще.

Гора Джадж рано приносит сумерки в поселок. Сейчас всего лишь начало седьмого, канун весеннего равноденствия, а все дома, крытые толем фабрики и расходящиеся по диагоналям улицы на склоне холма уже утонули в голубой тени, которая заливает поля и луга к востоку от горы. В больших окнах ранчо, двойным рядом стоящих по краю тени, рдеет заходящее солнце. Подобно морскому отливу отступая от домов по ожидающей сева огороженной коричневой земле и полю для игры в гольф — если бы не желтые пятна песчаных участков, издали его можно принять за длинное пастбище, — волна солнечного света, словно лампы, гасит одно за другим все эти окна, а потом уползает вверх на западные склоны холмов по ту сторону долины и там еще долго сверкает гордым вечерним светом. Кролик медлит в конце переулка, откуда открывается эта широкая перспектива. Здесь он когда-то подносил мячи и клюшки игрокам в гольф.

Снедаемый смутным нетерпением, он отворачивается и идет налево по Джексон-роуд, где прожил два-

дцать лет. Его родители живут в двухквартирном кирпичном доме на углу, но угловая часть принадлежит не им, а их соседям Болджерам, которые, на зависть миссис Энгстром, владеют еще и маленьким боковым двориком. *Окна этих Болджеров забирают весь свет, а мы сидим тут, втиснутые в эту щель.*

Кролик бесшумно приближается по траве к своему родному дому, перепрыгивает низенькую живую изгородь из барбариса и проволочную сетку, натянутую, чтобы дети не выбегали на улицу. Он крадется по газону между двумя цементными дорожками, идущими вдоль двух кирпичных стенок — за одной из них когда-то жил он, а за другой — семейство Зимов. Миссис Зим, уродина с выпученными от базедовой болезни глазами, с синеватой дряблой кожей, целыми днями бранила свою дочку Кэролин, неправомерно хорошенькую для своих пяти лет. Мистер Зим был рыжий и толстогубый, а в Кэролин полнота и худоба, красный и синий цвет, здоровье и впечатлительность смешались как раз в необходимой пропорции; ее не по годам ранняя красота, казалось, расцвела не здесь, а где-то во Франции, в Персии или в раю. Это видел даже Гарри, который был всего лишь на шесть лет старше и вообще не обращал внимания на девчонок. Миссис Зим целый день ее бранила, а когда мистер Зим приходил домой с работы, они оба часами кричали друг на друга. Начиналось с того, что мистер Зим вступался за девочку, а потом соседи слышали, как старые раны раскрывались, словно заморские цветы в ночи. Иногда мама говорила, что мистер убьет миссис, а иногда — что девочка убьет их обоих спящими. Кэролин и вправду была какая-то равнодушная; отправляясь в школу, она никогда не выходила из дому без улыбки на своем сердцеобразном

личике и шествовала по улицам с таким видом, будто ей принадлежит весь мир, хотя Энгстромы только что слышали, как ее мать во время завтрака закатила ей очередную истерику, — кухонные окна отстояли друг от друга не более чем на шесть футов. *И как только этот несчастный терпит? Если Кэролин с матерью не помирятся, они в одно прекрасное утро проснутся без своего кормильца и защитника.* Но мамины предсказания никогда не сбывались. Когда Зимы уехали, они уехали все вместе — мистер и миссис и Кэролин, — укатили в своем фургончике, а часть их мебели еще стояла на тротуаре возле наемного грузовика. Мистер Зим получил новую работу в Кливленде, штат Огайо. Бедняги, никто о них не пожалеет. Однако скоро пожалели. Свою половину дома они продали пожилой чете правоверных методистов, и старик отказался стричь газон между ними и Энгстромами. Мистер Зим — он и в дождь и в ведро каждый уик-энд работал во дворе, *словно это его единственная радость в жизни, чему я ничуть не удивляюсь*, — всегда его подстригал. Старик-методист стриг только свою половину — проходил газонокосилкой один ряд, а потом задом наперед толкал газонокосилку по своей дорожке, хотя с таким же успехом мог бы пройти вторую половину газона, а не оставлять его в таком дурацком виде. *Когда я слышу, как колеса старого идиота самодовольно тарахтят по дорожке, у меня подскакивает давление и начинает стрелять в ушах.* Одно лето мать запретила Кролику и мужу подстригать их половину газона, и на этой затененной полоске выросла густая трава, какие-то растения вроде пшеницы и даже несколько золотарников, и наконец в августе явился чиновник городского управления и сказал, что очень сожалеет, но согласно поста-

новлению муниципального совета они обязаны скосить траву. Встретивший его у дверей Гарри ответил: «Да-да, конечно», как вдруг у него за спиной появилась мать и спросила, о чем идет речь. Это ее клумба. Она не позволит ее портить. Кролику стало очень стыдно за мать. Чиновник глянул на нее, вытащил из кармана засаленную книжицу и показал ей постановление. Она все твердила, что это ее клумба. Тогда он сообщил ей размер штрафа и сошел с крыльца.

В субботу, когда она уехала за покупками в Бруэр, отец вытащил из гаража серп и срезал все сорняки, а Гарри возил газонокосилку взад-вперед по стерне, пока их половина газона не стала такой же аккуратной, как у методиста, хотя и чуть-чуть побурее. Он чувствовал себя виноватым и со страхом ожидал ссоры между родителями, когда мать вернется. Ссоры их приводили его в ужас; когда их лица сердито хмурились и с языка слетали злые слова, ему казалось, будто перед ним поставили стекло и ему нечем дышать; силы покидали его, и ему приходилось скрываться в дальнем углу дома. Однако на этот раз ссоры не было. Отец потряс его тем, что попросту соврал, подмигнув при этом, отчего потрясение удвоилось. Он сказал, что методист в конце концов не выдержал и подстриг газон. Мать поверила, но ничуть не обрадовалась; остаток дня и еще целую неделю она твердила, что старому трясуну надо предъявить иск. Постепенно она стала думать, будто это и вправду ее клумба. Ширина газона от одной цементной дорожки до другой чуть побольше фута. Гарри кажется, что ходить по нему так же опасно, как по верхушке стены.

Он возвращается назад, доходит до освещенного окна кухни, стараясь не шаркнуть подметкой, ступает на

Апдайк Дж.

А 76 Кролик, беги : роман / Джон Апдайк ; пер. с англ. М. Беккер. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 384 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-12872-9

26-летний Гарри Энгстром по прозвищу Кролик когда-то блистал на баскетбольной площадке и был парнем хоть куда. Но сейчас он занят рекламированием кухонных принадлежностей, — мягко говоря, не самое интересное занятие на свете... Желая вырваться из тоскливой повседневности, Кролик отправляется в «бега». Так начинается великое паломничество Гарри Кролика в поисках самого себя или, другими словами, первый и самый знаменитый роман Джона Апдайка из серии книг о Кролике.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОН АПДАЙК
КРОЛИК, БЕГИ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 17.03.2017. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 20,16. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YAUM2100301R